

все тайны земли

**все
тайны
МОСКВЫ**

Александр Попов
Все тайны Москвы
Серия «Все тайны Земли»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6686635
Все тайны Москвы / А. Попов.: АСТ, Астрель; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-063996-0, 978-5-9725-1694-0

Аннотация

«Сколько лет существует Москва, столько лет говорят о том, что место это необычное. Кто-то считает его проклятым, кто-то священным, а кто-то просто мистическим... Долю правды можно найти в любом из этих утверждений».

Все тайны Москвы, со времен Юрия Долгорукого и до наших дней. Все призраки, московские и подмосковные, уроженцев и «понаехавших», богатых и бедных, знаменитых и безвестных, но в равной мере тщетно пытающихся найти успокоение. Все дома с привидениями и просто места, где творится нечто рационально необъяснимое. Все кладбища и захоронения, уже исчезнувшие и до сих пор сохранившиеся, с их обитателями, ведущими порой весьма активный образ жизни...

Всё, на чем построена Москва. Всё, что скрывает Москва. Всё, что Москва может открыть, если оказаться в нужное время в нужном месте.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	6
Призрак Ивана Калиты	6
Призрак Василия Темного	7
Призрак Ивана Грозного	8
Призраки жен Ивана Васильевича	14
Глава 2	19
Призрак Бориса Годунова	19
Призрак Лжедмитрия I	22
Призрак Марины Мнишек	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Попов

Все тайны Москвы

Предисловие

Сколько лет существует Москва, столько лет говорят о том, что место это необычное. Кто-то считает его проклятым, кто-то священным, а кто-то просто мистическим... Долю правды можно найти в любом из этих утверждений.

Попытавшись выяснить, «с чего Москва начиналась», мы сразу же узнали, что князь Юрий Долгорукий, направляясь в 1158 году из Киева во Владимир, увидел посреди болота «огромного чудного зверя. Было у зверя три головы и шерсть пестрая многих цветов... Явившись людям, чудесный зверь затем растаял, исчез, словно туман утренний». Следовавший с князем греческий мистик тут же объяснил видение, сказав, что в этих местах «встанет град превелик треуголен, и распространится вокруг него царство великое. А пестрота шкуры звериной значит, что сойдутся сюда люди всех племен и народов».

Вот такое вот у Москвы мистическое начало. И тут же, как слишком часто происходило в истории нашего города, за мистикой последовала кровь.

Миновав болото, Долгорукий увидел поместье боярина Кучки – город, называвшийся Кучков. Князь решил здесь остановиться, но Кучка, подозревая, видимо, что такой человек на постой просится к нему не просто так, принять Долгорукого отказался, или, как утверждает летопись, «не почте великого князя подобающею честию». Более того, заявил, что все беглые из владими́ро-суздальских вотчин стекаются к нему, и вскоре он станет ровень с Юрием.

Долгорукий тут же повелел «того боярина ухватити и смерти предати». Город после непродолжительного боя взяли, а Кучка вместе со своим воеводой Букалом бежал в лес, где был настигнут суздальской дружиной и убит. Детей же Кучки, которые, по мнению Долгорукого, за отца не отвечали, князь пощадил: дочь боярина Улиту он выдал замуж за своего сына Андрея Боголюбского, а сыновей Якима и Петра взял к себе слугами.

Спустя много лет Улита, гуляя по лесу, встретила древнего отшельника, бывшего воеводу Букала, который поведал ей, как погиб ее отец. Улита в гневе вернулась в Москву и пересказала эту историю братьям. Долгорукий к тому времени уже умер, и потому вину за кровь отца решили положить на Андрея Боголюбского, мужа Улиты. Князя подстерегли, когда он отправился на охоту, но тот сумел уйти от преследователей. Загнав коня, князь оказался на берегу реки, где, увидев перевозчика, попросил доставить его на другой берег. Но тот, взяв у князя плату, уплыл прочь.

Настала ночь, и Боголюбский, понимая, что его ищут, спрятался для ночевки в сруб-могилу. Кучковичи же, переночевав в Москве, наутро возобновили поиски, взяв с собой, по совету Улиты, любимого пса князя. Тот и привел их к срубам, радостно виляя хвостом. Князь был убит, и на Москве снова взяли власть Кучковичи. Однако долгим их правление не было: слуга Андрея, Давыд, бежал к брату Боголюбского – Даниилу Юрьевичу Киевскому, и тот пришел в Москву с войском. Москвичи гадать не стали и выдали Кучковичей брату убитого князя. Даниил казнил обоих братьев и сестру, а чтобы лишить их души вечного упокоения, приказал тела земле не предавать, а положить в берестяные кораба и пустить в озеро.

Так в Москве появилось первое привидение. Кораба, как гласит легенда, до сих пор всплывают по ночам на поверхность озера, то ли желая отомстить неверным москвичам, то ли просто потому, что вода и земля отказываются (по утверждению тех же москвичей) принять тела злодеев.

Даниил же возвращаться в Киев не стал и сделался московским князем. А одно из московских урочищ (в районе Сретенских ворот, Чистых прудов и Лубянской площади) еще весьма долго именовалось Кучковым полем.

Казалось бы, для основания Москвы достаточно одной истории с убийствами, но нет. Само сердце новой княжеской столицы, Кремль, был заложен на Ведьминой горе, которая позже обрела название Боровицкого холма. Издавна, еще до Кучки, здесь находилось языческое капище, куда местные жители приносили младенцев для посвящения и умерших для облегчения тем ухода в иные миры. А оставленные здесь на ночь копыя в бою никогда не тупились.

Вокруг этого проклятого места и стал расти новый город. Но и этого духам, охраняющим столицу, показалось мало. Когда Петр I решил разработать план строительства города, он поручил это Якову Брюсу, известному колдуну и чернокнижнику. И тот, взяв Кремль за центр Москвы, разделил ее, согласно знакам зодиака, на двенадцать секторов. Так и стало вестись строительство.

Спустя почти три века, строя уже в советской Москве метро, Иосиф Сталин, интересовавшийся работами Брюса, заложил в схеме ту же зодиакальную систему. Началу Овна соответствует станция метро «Курская», следующая остановка «Таганская» начинает сектор Тельца, «Павелецкая» – Близнецов, «Добрынинская» – Рака, «Октябрьская» – Льва, «Парк культуры» – Девы, «Киевская» – Весов, «Краснопресненская» – Скорпиона, «Белорусская» – Стрельца, «Новослободская» – Козерога, «Проспект Мира» – Водолея и «Комсомольская» – Рыб.

Ну как такому городу не наполниться мистикой и загадками!

«Бродя по Кремлю, слушая раздающиеся подземные звуки, исходящие, как грезится вам, из самих могил, вы начинаете верить в сверхъестественное», – писал путешественник маркиз де Кюстин. Некоторые готовы отнести эти слова маркиза ко всей Москве...

Глава 1 Призраки князей московских

Призрак Ивана Калиты

Призрак Ивана I Калиты следует по праву считать самым древним московским призраком, так как по поводу нахождения озера с всплывающими Кучковичами существуют некоторые разногласия, и некоторые считают, что оно находится на территории нынешней Владимирской области.

Калита родился в 1288 году, а правил в Москве с 1325-го по 1340-й, до своей смерти.

Иван I усилил московско-ордынское влияние на ряд городов севера Руси (Тверь, Псков, Новгород и др.), да и вообще «собирал земли», используя татарские ярлык и войско и проливая русскую кровь. Но, впрочем, еще он весьма любил земли просто покупать. Приобрел, например, Углич, Галич Мерский и Белоозеро. Помимо этого, Калита выменял и купил множество сел около Костромы, Владимира, Ростова, вдоль рек Мста и Киржач и даже в Новгородской земле, где законы запрещали князьям покупать земли.

А получив кусок территории, он начинал с него распространять свою власть во всем остальном регионе. Прозвище Калита означает «кошель», «денежная сумка». Появилось оно потому, что князь был весьма богат. Хотя по другой версии, он постоянно носил с собой калиту, чтобы подавать нищим. Впрочем, одно другого не отменяет. Также прославился Калита и тем, что, во-первых, сумел прекратить беспорядочные набеги татар на Русскую землю, а во-вторых, совершенно искоренил татей и разбойников.

Погребен Калита в Архангельском соборе. Наверное, потому его и видят на территории Кремля. Он появляется в сумерках и потрясает своим кошельком. Говорят, в последнее время он стал почему-то показываться весьма часто. Что он имеет в виду – непонятно...

Призрак Василия Темного

Василий II Васильевич Темный (1415–1462) – великий князь московский с 1425-го, праправнук Калиты, тоже любит на современных москвичей посмотреть и себя им показать.

Высланный в 1433 году из Москвы захватившим великокняжеский престол звенигородским князем Юрием Дмитриевичем, Василий получил звание князя коломенского. «Сей город сделался истинной столицей великого княжения и многолюдной и шумной», – пишет Н. М. Карамзин о Коломне того времени. В Коломну стали стекаться сторонники «собира-ния земель», и вскоре Василий сумел вернуть себе московский трон, но впоследствии еще несколько раз его лишался.

Претензии современников к этому князю были просты: когда в 1446 году Василия захватили в Троице-Сергиевой лавре, то от имени Дмитрия Юрьевича Шемяки, Ивана Можайского и Бориса Тверского ему было, по уверению Карамзина, сказано: «Для чего любишь татар и даешь им русские города на кормление? Для чего серебром и золотом христианским осыпашь неверных? Для чего изнуряешь народ податями? Для чего ослепил брата нашего, Василия Косого?» После этого и сам Василий был ослеплен, отчего и получил прозвище Темный. Его, вместе с женой, отправили в Углич, но в 1447 году он посетил Ферапонтов монастырь и, получив благословение Мартиниана на поход против овладевшего Москвой Дмитрия Шемяки, сумел снова вернуть себе трон. Умер Василий от «сухотной» болезни, то есть туберкулеза.

Появляется он обычно в Кремле. Видно его фигуру очень плохо, она почти прозрачная, грязно-серого цвета. Голова его задрана вверх, как обычно у слепых, и он надсадно кашляет. Говорят, что он появляется обычно перед какими-либо изменениями в отношениях церкви и государства. Именно Василий Темный ввел на Руси митрополичество.

Говорят, что он являлся Петру I, отменившему патриаршество и введшему синод, и грозил ему. Возможно, именно поэтому Петр и не любил Москву?

Призрак Ивана Грозного

Привидение Ивана Васильевича Грозного облюбовало Кремль и за его пределами никогда не появляется. И правда, не царское это дело. Появляется Иван Грозный тоже лишь по вполне царским поводам, предвещая смутные времена в жизни нашей страны.

Грозный не только сам является призраком, но и почти всех своих жен оборотил в привидения. Уникальный случай, кстати.

Иван Васильевич родился 25 августа 1530 года в селе Коломенском под Москвой. Он был сыном великого князя московского Василия III и Елены Глинской. По отцовской линии он вел свой род от Ивана Калиты, а по материнской – от Мамаю, считавшегося родоначальником литовских князей Глинских. Бабка же его, Софья Палеолог, и вовсе была племянницей последнего византийского императора Константина XI.

Сам Иван Грозный любил возводить свою родословную к римскому императору Августу, но прославился он отнюдь не знатностью происхождения... Первый свой смертный приговор Иван вынес в тринадцать лет, велел убить, отдав псарям, князя Андрея Шуйского. А секс Грозный познал даже раньше крови: когда ему было одиннадцать лет, он изнасиловал служанку. Любимым развлечением мальчика было сбрасывание с крыши кремлевских дворцов и с колоколен храмов собак и кошек.

Нетрудно понять, почему мальчик рос именно таким, – достаточно посмотреть на атмосферу, что его окружала. Его отец, Василий III, предвидя свою скорую смерть, сформировал для управления государством «седьмочи-сленную» боярскую комиссию, которая должна была «беречь» Ивана до достижения тем пятнадцатилетия. Ближайшими претендентами на трон, кроме малолетнего Ивана, были младшие братья Василия, князь старицкий Андрей и князь дмитровский Юрий. Умер Василий III 3 декабря 1533 года, а уже через восемь дней основной претендент на трон – дмитровский князь Юрий был мертв.

Вышло так, что различные политические события рассеяли боярскую комиссию, и, чувствуя слабость власти, Андрей Старицкий в 1537 году попытался захватить трон. Но был заперт в Новгороде и, вынужденный сдаться, закончил жизнь в тюрьме.

Мать же Ивана, княгиня Глинская, жила с Иваном Федоровичем Телепневым-Овчиной-Оболенским. Это вызывало массовое осуждение, и Иван не мог этого не чувствовать. Оболенский же, удаляя из Москвы влиятельных бояр, все больше подминал под себя власть в государстве. Практически гамлетовская коллизия.

Но в апреле 1538 года тридцатилетняя Елена Глинская умерла, а через шесть дней бояре арестовали Оболенского, и тот весьма быстро скончался в заключении от «недостатка пищи и тяжести оков».

Наступило и вовсе тяжелое время: как говорит летопись, бояре «кийждо себе различных и высочайших санов желаху... и нача в них бытии самолюбие, и неправда, и желание хищения чужого имения. И воздвигоша велию крамолу между себе, и властолюбия ради друг друга коварствоваху... на своих друзей востающе, и дома их и села себе притежаша и сокровища свои наполниша неправедного богатства».

Как только Ивану исполнилось пятнадцать лет, он попросил митрополита Макария венчать его на царство. Многие видят в этом знак того, как Иван рано созрел для власти и как рано начал беспокоиться о судьбах своей страны.

16 января 1547 года в Успенском соборе Московского Кремля на Ивана возложили шапку Мономаха. Царский титул позволял занять существенно иную позицию в дипломатических сношениях как с Западной Европой, так и с восточными странами.

Великокняжеский титул иностранцы переводили как «принц» или даже «великий герцог», но «царь» уже равнялся «королю». Так Москва, обретя, подобно разрушенной Византии, христианского царя, стала наследницей Царьграда, Константинополя.

Царская родня – Глинские, после венчания Ивана на царство, обрела большое влияние. Но тут же судьба показала Ивану, что власть – дело весьма сложное и опасное.

В 1547 году в Москве бушевали пожары. В апреле случился сильный пожар в Китай-городе, а еще через неделю сгорели кварталы за Яузой. В конце июня в течение двух дней полыхали Арбат и Кремль, а также уцелевшие части Китай-города, Дмитровка, Мясницкая, Тверская. Население тогдашней Москвы составляло около ста тысяч, а после этого пожара было найдено 3700 обгорелых трупов. Поползли слухи, что Глинские спалили город колдовством, что якобы княгиня Анна разрывала могилы и вырезала сердца покойников, а затем, высушив их, толкла в порошок и сыпала в воду, которой окропляла улицы и дома.

21 июня 1547 года, сразу после пожара, тяглый (то есть платящий тягло, налоги) люд собрался на вече на Соборной площади, и вскоре разбушевавшаяся толпа убила Юрия Глинского. Затем собравшиеся отправились по Москве жечь дворы других Глинских, что уцелели после пожара, а 29 июня бунтовщики добрались и до села Воробьево, где укрывался Иван IV, и потребовали выдачи остальных родственников его матери. С большим трудом удалось доказать толпе, что Глинских здесь нет. Бунт этот не был стихийным: его организовывали и направляли те бояре, которые сочли, что родственники царя получили слишком много власти. В числе организаторов и вдохновителей оказался и духовник Ивана Феодор Бармин.

Как только опасность миновала, все заговорщики были Иваном казнены. В самом начале своего царствования он ощутил, что такое бунт и что такое стоять лицом к лицу с разгневанным народом. И все его правление прошло с желанием избежать повтора этой ситуации. Иван стал проводить реформы, одни из которых вели к большей централизации государства, другие же увеличивали свободы народа: было отменено кормление, подтверждено право свободного перехода крестьян, крестьянским общинам было дано право самоуправления. Стрельцы были все вооружены огнестрельным оружием, что делало русскую армию самой грозной в Европе, где часть пехотинцев (пикинеры) в то время имела только холодное оружие. Начал теснить Иван и древнюю родовую знать, издав «Приговор о местничестве».

Все эти реформы требовали большой воли их вершителя, а также беспрекословного подчинения знати. Правил Иван вместе с так называемой «Избранной радой» – неким неформальным правительством.

Но многие из бояр, входивших в этот узкий кружок, хотя и не были против реформ, говорили царю, что не стоит проводить их такими быстрыми темпами. Со временем и увеличением перемен сопротивление рады возросло, и Иван, уже не желавший слушать иного мнения, в 1560 году отправив нескольких ее членов в опалу, фактически прекратил ее деятельность.

Сдерживающих факторов для характера Ивана не осталось, и в среде знати начались волнения: все больше бояр бежали за границу. Дважды, например, пытался бежать за рубеж и дважды был прощен И. Д. Бельский, были пойманы при попытке к бегству и прощены князья

В. М. Глинский и И. В. Шереметев. Зимой 1563 года перебежали к полякам боярин Колычев, Т. Пухов-Тетерин, М. Сарохозин. В апреле 1564 года в Польшу перебежал Андрей Курбский... Покидали Русь и еще десятки знатных людей, что, понятно, не добавляло в ее пределах порядка и спокойствия. И не улучшало настроение Ивана. Начались казни. Поводом для них могло послужить что угодно: Юрий Кашин был казнен за отказ плясать на пиру в скomorошьей маске, Дмитрий Оболенский-Овчина – за то, что попрекнул Федора Басманова его гомосексуальной связью с царем, а известный воевода Никита Васильевич Шереметев – за ссору с Басмановым.

Между тем собравшиеся в рубежах Литвы и Польши бояре хотели вернуться на родину и, понимая, что такое возможно лишь с исчезновением Грозного, начали готовить вооруженный поход на Москву.

В декабре 1564 года была предпринята попытка вооруженного мятежа против царя, которая весьма испугала Ивана. 3 декабря царь вместе с семьей внезапно выехал из столицы на богомолье, прихватив с собой казну, личную библиотеку, иконы и символы власти. Посетив село Коломенское, он не стал возвращаться в Москву, вместо этого, проскитавшись несколько недель, остановился в Александровской слободе нынешней Владимирской области. А 3 января 1565 года он отправил в Москву гонца с известием, что от престола по причине гнева на бояр, церковных, воеводских и приказных людей он отрекается.

В Москве началась паника: какой бы ни был царь, но оказаться в «обесгосударенной» стране было, по мнению тогдашних россиян, еще хуже. Уже через два дня в Александровскую слободу прибыла делегация, которая уговорила Ивана вернуться на царство.

Появившись в начале февраля 1565 года в Москве, Иван объявил, что принимает на себя царские обязанности лишь с тем условием, что может казнить изменников, налагать на них опалу, лишать имущества «без доуки и печалований» со стороны духовенства, а также учредит в государстве опричнину. Слово «опричина» происходит от древнерусского «опричь», то есть «кроме» или «особый». Еще так называлась вдовья доля, выделяемая после смерти князя его вдове.

Естественно, условия Ивана были приняты.

Страна была разделена на две части: «Государеву светлость опричнину» и земство. В опричнину попали, в основном, северо-восточные русские земли, а ее центром стала Александровская слобода.

Но опричнина мало кому нравилась: члены Земского собора 1566 года подали челобитную об ее отмене, собрав под ней 300 подписей. Все подписавшиеся тут же оказались в тюрьме, большинство, впрочем, по заступничеству митрополита Филиппа отпустили. Но, тем не менее, пятьдесят из них подвергли «торговой казни» – битью кнутом на площади, нескольким урезали языки, а троих обезглавили.

Иван сформировал отряд в 1000 человек, отобранных из опричных уездов. Они принесли клятву на верность царю и обязались не общаться с земскими. Позже число опричников достигло 6000 человек. Также в опричное войско были включены отряды стрельцов с опричных территорий.

Даже в воздухе, по воспоминаниям современников, витало ощущение страха. Но митрополит московский Филипп, изначально возражавший против введения опричнины, сумел на некоторое время утихомирить царя.

Вернувшись зимой 1568 года из первого ливонского похода, где он узнал о переписке польского короля Сигизмунда и бояр, Иван начал новую волну террора. Филипп сначала беседовал с царем с глазу на глаз, пытаясь прекратить убийства, но Иван начал просто избегать Филиппа, и тот был вынужден начать проповедовать о нехристианском поведении государя с амвона. 22 марта 1568 года в Успенском соборе Кремля, когда Иван вместе с опричниками пришел на богослужение в черных ризах и высоких монашеских шапках, а после литургии подошел к Филиппу за благословением, тот обратился к нему с обличительной речью:

«В сем виде, в сем одеянии странном не узнаю Царя Православного; не узнаю и в делах Царства... О Государь! Мы здесь приносим жертвы Богу, а за алтарем льется невинная кровь Христианская. Отколе солнце сияет на небе, не видано, не слышано, чтобы Цари благочестивые возмущали собственную Державу столь ужасно! В самых неверных, языческих Царствах есть закон и правда, есть милосердие к людям – а в России нет их! Достояние и жизнь граждан не имеют защиты. Везде грабежи, везде убийства и совершаются именем

Царским! Ты высок на троне; но есть Всевышний, Судия наш и твой. Как предстанешь на суд Его? Обагранный кровию невинных, оглушаемый воплем их муки? Ибо самые камни под ногами твоими вопиют о мести!..»

Иван в ответ «ударил своим жезлом оземь и сказал: „Я был слишком милостив к тебе, митрополит, к твоим сообщникам в моей стране, но я заставлю вас жаловаться“». На следующий день аресты и казни продолжились и затронули уже и окружение митрополита. Филипп в знак протеста переехал из Кремля в один из московских монастырей. Но Иван, опасаясь народного гнева, трогать митрополита пока боялся.

28 июля, когда Филипп служил в Новодевичьем монастыре, он заметил, что один из опричников во время чтения Евангелия не снял шапки. Филипп сказал об этом царю, но опричник быстро шапку сдернул, и Иван, не увидев никого в головном уборе, разозлился и назвал митрополита «лжецом, мятежником, злодеем». Поняв, что в одной стране им не ужиться, он отдал приказ о подготовке над Филиппом церковного суда, с целью сместить его с должности по закону. Суд состоялся в ноябре, но представленное обвинение было настолько слабым и абсурдным, что некоторые из «свидетелей», несмотря на страх перед государем, даже отказались его подписывать.

Филипп, видя, к чему идет дело, заявил: «Лучше мне принять безвинно мучение и смерть, нежели быть митрополитом при таких мучительствах и беззакониях!» – после чего сам сложил сан. Но Грозный не принял этого и велел ему служить в день архангела Михаила в Успенском соборе. И уже на службе Басманов громогласно объявил о лишении митрополита сана. Тут же опричники сняли с Филиппа святительское облачение, одели в разодранную монашескую рясу и изгнали «из церкви яко злодея и посадиша на дровни, везуще вне града ругающиеся... и метлами бьюще».

Иван хотел Филиппа сжечь, но духовенство упросило его этого не делать, и бывший митрополит был осужден на вечное заключение. Его ноги забили в деревянные колодки, руки заковали в железные кандалы и содержали в монастыре Николы Старого, где морили голодом. Иван же, казнив племянника святителя, прислал Филиппу голову, зашитую в кожаный мешок: «Вот твой сродник, не помогли ему твои чары». Вскоре митрополит был сослан в Тверь, но Грозный все не мог успокоиться и одного за одним казнил его родственников.

А через год к Филиппу приехал Малюта Скуратов и попросил благословения на новгородский поход: царь подозревал, что Новгород хочет отложиться к Польше. Филипп отказал, и Малюта задушил его подушкой. Понятно, что убийство столь видного человека могло быть санкционировано только царем.

Новгородский же поход закончился заключением тамошнего епископа Пимена, возглавлявшего, кстати, суд над Филиппом, и массовыми убийствами: Иван велел обливать новгородцев зажигательной смесью и затем, обгорелых и еще живых, сбрасывать в Волхов. По свидетельству очевидцев, от обилия мертвых тел река вышла из берегов. Современные ученые считают, что было убито до 15 000 человек, включая младенцев, при общем населении тогдашнего Новгорода в 30 000 человек. Только в одной из могил, где хоронили утопленных в Волхове, археологами было обнаружено 10 000 останков.

«Новгородскую измену» царь продолжил расследовать и по возвращении в Москву. В столице было обвинено 300 человек, и казнь назначили на 25 июля 1570 года на Поганой луже.

Но Грозный никогда не забывал о «милосердии» – он слишком боялся народа. 184 человека были тут же помилованы, остальные казнены разными пытками. Дипломата и печатника Висковатого заживо изрезали на мелкие кусочки, казначея Фуникова умертвили поспешно обливая то кипятком, то холодной водой. Иван не только присутствовал при этих казнях, но и принимал в них непосредственное участие.

Попали в жернова террора и основатели опричнины: сына Алексея Басманова Федора заставили отрубить отцу голову, а потом казнили и самого. Интересно, что центральное лицо «заговора», Пимен, казнен не был, его всего лишь отправили в ссылку. Убитых, чьи имена «сам ты, Господи, веши» Иван внес в свой синодик, он регулярно поминал в церкви. Но казни в Москве продолжались. Иван всегда принимал в них участие и придумывал все новые способы мучений: раскаленные сковороды, печи, клещи, тонкие веревки, перетирающие тело, и т. п.

Конец опричнины был неожидан: в 1571 году крымский хан Девлет-Гирей не только вошел на Русь, но и сжег Москву. Опричники, привыкшие разбираться лишь с мирным населением, просто попрятались. После отражения нападения хана Грозный отменил опричнину, и даже запретил произносить это слово. Но все-таки, под именем «государева двора», она просуществовала до самой его смерти.

Сталин видел в опричнине явление положительное и на встрече с кинематографистами по поводу второй части фильма Эйзенштейна «Иван Грозный» (в итоге запрещенной) сказал: «(Эйзенштейн) изобразил опричников как последних паршивцев, дегенератов, что-то вроде американского ку-клукс-клана... Войска опричнины были прогрессивными войсками, на которые опирался Иван Грозный, чтобы собрать Россию в одно централизованное государство против феодальных князей, которые хотели раздробить и ослабить его. У него старое отношение к опричнине. Отношение старых историков к опричнине было грубо отрицательным, потому что репрессии Грозного они расценивали как репрессии Николая II и совершенно отвлекались от исторической обстановки, в которой это происходило. В наше время другой взгляд на это».

Сталин был прав в том, что нельзя не признавать заслуги Грозного в государственном строительстве. Другое дело, что это строительство, рассчитанное только на сиюминутный результат, в итоге привело к страшным годам Смуты. Но об этом мы поговорим в других главах. Пока же необходимо сказать то, что Грозный присоединил к России Казанское и Астраханское царства, расширил влияние страны на юге, западе и в Сибири, добился безопасного выхода страны к Балтийскому морю.

Но за это была уплачена слишком большая цена: в крымско-татарский набег 1571 года были не только разорены южные русские земли, но и погибли десятки тысяч людей, а более 150 000 русских уведены в рабство. Иван бежал из Москвы от войска хана сначала в Серпухов, затем в Бронницы, потом в Александровскую слободу, а оттуда – в Ростов.

Хан прислал царю грамоту: «Жгу и пустошу все из-за Казани и Астрахани, а всего света богатство применяю к праху, надеясь на величество божие. Я пришел на тебя, город твой сжег, хотел венца твоего и головы; но ты не пришел и против нас не стал, а еще хвалишься, что-де я московский государь! Были бы в тебе стыд и дородство, так ты б пришел против нас и стоял».

Грозный униженно ответил: «Если ты сердишься за отказ к Казани и Астрахани, то мы Астрахань хотим тебе уступить», – а к приехавшим татарским послам вышел в сермяге, сказав: «Видишь-де меня, в чем я? Так-де меня царь (хан) зделал! Все-де мое царство выпленил и казну пожег, дати-де мне нечево царю». Тут же он выдал Девлет-Гирею мурзу, который перешел в Россию и принял православие. Но эти уступки хана не удовлетворяли: тот хотел вернуть все целиком и получить еще и денежный оброк.

Летом следующего года хан решил окончательно покончить с Русью и отправился на нее со 120-тысячным войском. Однако М. Воротынский и Д. Хворостинин, имея в своем распоряжении всего около 60 000 человек, не только разгромили хана при Молодях, но и положили конец турецко-татарской экспансии в Восточной Европе. В Крым вернулись, по разным оценкам, всего от десяти до пятнадцати тысяч воинов.

Но уже в следующем году Воротынский был обвинен в намерении околдовать царя и умер под пытками. Иван, по свидетельствам очевидцев, сам подгребал посохом угли под его ноги. Как тут не вспомнить о том, как поклонник Грозного Сталин опасался полководцев, выигравших Отечественную войну.

Однако не стоит думать, что Грозный закончил свои игры с властью и народом. В 1575 году Иван сложил с себя царские полномочия и стал называться Иваном Московским, а на царство венчался сын Бек-Булат-султана, правнук хана Золотой Орды Ахмат-хана, Саин-Булат-хан. Вместе с отцом он перешел на службу к Грозному, участвовал в ливонских походах 1570 годов, а в крещении стал Симеоном Бекбулатовичем.

Грозный писал ему письма, смиренно называя себя «Иванец Васильев с своими детишками», ездил по Москве, как простой боярин, жил на Петровке, а всю роскошь царствования обрел Симеон Бекбулатович. Продолжалось это одиннадцать месяцев. Ни современники, ни историки так и не смогли объяснить смысла этой рокировки Ивана Грозного. Существуют несколько версий. Согласно одной, это было вызвано еще одним витком террора и расследованием новой новгородской измены, согласно второй – волхвы предсказали Ивану, что в «этот год государь московский умрет». Но как бы то ни было, Иван в конце концов вернулся на престол, а Симеон Бекбулатович стал князем тверским.

Современное обследование останков Грозного показало, что в последние годы жизни у него развились остеофиты (солевые отложения на позвоночнике), а современники указывали, что Иван Васильевич не мог ходить, и его перемещали на носилках. В свои пятьдесят с небольшим лет царь выглядел дряхлым стариком. Так что вряд ли Годунову было необходимо травить царя, как утверждала молва. Но, с другой стороны, именно преждевременная смерть, как показывает практика, толкает душу на скользкий путь появления в образе привидения. Умер Грозный то ли от старости, то ли от яда, то ли от удушения 18 марта 1584 года, в возрасте пятидесяти трех лет. Современное исследование мышьяка в его останках не обнаружило, правда, отыскало достаточное количество ртути. Впрочем, этим металлом в те годы лечили многие болезни, в том числе и сифилис, которым был болен Грозный. Так что версию насильственной смерти нельзя считать ни подтвержденной, ни опровергнутой.

Призраки жен Ивана Васильевича

Рассказ о Грозном все-таки не будет полным, если не упомянуть его жен.

Первой стала Анастасия, дочь вдовы Захарьиной. Сразу после венчания Ивана на царство ему начали подбирать подходящую жену. Ради этого знатные сановники, окольниковые и дьяки объехали всю страну, затем произвели смотр невест. Иван при выборе, как указывали летописи, руководствовался не знатностью рода, а личными достоинствами претендентки. Анастасия, говорят, из-за своей скромности у других невест вызывала насмешки. Сам Иван, впрочем, от скромности был далек:

бояре постоянно, борясь за его расположение, подсовывали Ивану девушек, и по некоторым оценкам до свадьбы у него было уже около трехсот женщин.

Этот брак продлился 13 лет, а летом 1560 года Анастасия внезапно умерла. Некоторые исследователи связывают перемену в характере царя именно с этой смертью – она усилила все болезненные наклонности Ивана Васильевича. Но все-таки влияние вдовства на характер государя сильно преувеличено: по воспоминаниям современников, совместное счастье продлилось фактически всего две недели, а потом Иван начал вести прежнюю жизнь: с охотой, играми и оргиями. Только во дворце, при живой жене, содержалось около пятидесяти наложниц.

Анастасия родила Ивану шестерых детей, из которых дочери и сын Дмитрий рано умерли, а двое сыновей, Иван и Федор, выжили. Интересно, что Иван полностью унаследовал отцовскую дикость и жестокость, а Федор – стремление к строению государства и глубокую веру в Бога. Впоследствии Иван был убит отцом из-за того, что заступился за избитую царем свою жену.

Призрак Анастасии часто видят на московских старинных кладбищах, а также в тех местах, где были кладбища во времена ее жизни. Она одета в белое и неслышно, потупив глаза, скользит над землей. Особенно часто ее видят в Даниловом монастыре (ул. Даниловский Вал, 22, ст. м. «Тульская»).

Священник Р. вспоминает, что однажды он шел с другим священником мимо резиденции патриарха, которая стоит на месте древнего, снесенного в 30-е годы прошлого века некрополя, и что-то заставило его обернуться. Их нагоняла полупрозрачная высокая женщина, закутанная в белый плащ. «Она не шла, – рассказывал батюшка, – а как бы летела немного над землей. Я замер и тут же перекрестился. Проходя мимо меня, она не столько прошептала, сколько как-то прошелестела: „Не бойся меня“ – и где-то через несколько метров исчезла. Я в изумлении обратился к бывшему со мной отцу: „Ты видел?“ Но он лишь пожал плечами: „Какое-то дымное облачко?“ Я же разглядел эту женщину очень четко, вплоть до малейших нюансов. С тех пор ее поминаю за проскомидией».

Через год царь вступил во второй брак, сочетавшись с Кученой, во крещении Марией, дочерью черкесского князя Темрюка. Год отсрочки был вызван вовсе не скорбью по первой жене: черкешенка совсем не говорила по-русски и не была крещена. Время ушло просто на ее подготовку к браку.

Вторая жена оказалась полной противоположностью первой: она принимала самое активное участие в диковатых развлечениях русского государя, присутствовала на медвежьих травлях и охотно наблюдала с кремлевских стен публичные казни. Любила она и кровавые расправы, порою сама науськивала царя на бояр. Понимая, что единственный шанс остаться в «любимых» женах у нее – это потакать сладострастию мужа, Мария не только окружила себя красивыми девушками, но и сама указывала мужу, какую взять. Впрочем, и сама она частенько меняла любовников, особо не скрывая это от Ивана. Вместе с ней прибыл в Москву и ее брат Темрюк, в крещении Михаил, обладавший подобными же нравами.

Но со временем Иван начал подозревать, что царица желает вместе с братом отнять у него трон. Он посадил ее под жесткий надзор, и черкешенка 1 сентября 1569 года скончалась. Говорили, что царь отравил ее, но доказательств этому нет.

Призрак Марии появляется в центре Москвы, на местах кровавых преступлений. Один из московских милиционеров рассказывал, что еще в 1990-е годы однажды они прибыли на место убийства одного из преступных авторитетов, и тот был еще жив. Ночь, людей вокруг практически не было, и милиционер очень удивился, увидев, что неподалеку от трупа стояла женщина кавказской внешности в странной одежде и делала руками какие-то непонятные знаки, будто бы радовалась или восторгалась. Он, думая, что это или знакомая пострадавшего, или просто свидетельница, направился было к ней, но, когда оставалось всего несколько метров, фигура женщины начала таять и исчезла.

Вскоре после смерти Марии Иван объявил, что готов вступить в третий брак. В Москву свезли на выданье 1500 боярских дочерей. Из них на многомесячном смотре отобрали сначала 24, а потом из них – 12. На последнем смотре этих двенадцать заставили раздеться догола, и Иван вместе с сыном Иваном внимательно осмотрел их всех (кстати, в те времена будущий жених до свадьбы не мог видеть даже лица невесты). Иван выбрал Марфу, дочь Ивана Собакина, сокольничего, который, хоть и числился при дворце, проживал в своей дальней вотчине. Началась подготовка к свадьбе. Между тем брат покойной Марии Михаил Темрюк зачастил в семейство Собакиных и как-то угостил боярышню засахаренными фруктами. После этого она, и так не отличавшаяся полнотой, стала худеть, у нее начались болезненные припадки.

Грозному доложили об этом, но он все равно решил венчаться. А через две недели после свадьбы Марфа скончалась, и Грозный даже не провел с ней ночь. Михаил был посажен на кол, а также казнены еще несколько бояр, которых заподозрили в соучастии. Три недели расстроенный царь провел в заточении, никого к себе не допуская, а затем целый год старыми проверенными методами пытался забыть молодую жену.

Призрак Марфы Собакиной появляется в Москве перед большими пожарами. Видели ее, в частности, перед тем как в 2004 году сгорел Манеж, на его ступенях. Свадьба Грозного с Собакиной была перенесена из Москвы в Александровскую слободу как раз потому, что столицу захватил крымский хан, который потом ее сжег. Возможно, потому Марфа и пытается предупредить москвичей о пожарах.

Согласно пятидесятому правилу Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской (ок. 330–379), третий брак является нарушением канонов: «На трообрание нет закона; посему третий брак не составляется по закону. На таковые дела взираем как на нечистоты в церкви, но всенародному осуждению оных не подвергаем, как лучшие нежели распутное любодеяние». И когда царь решил жениться снова, церковь уже решительно восстала. На этот брак Ивану пришлось получать соборное разрешение. Выбрал он Анну Алексеевну Колтовскую, которая была в «финале» вместе с Собакиной.

Колтовская оказалась женщиной волевой, проказы царя занимали ее мало, она так же, как и Мария, завела на женской половине целый гарем, а вот с опричниной повела решительную борьбу. Иван очень быстро оказался под ее каблуком, и пытки и казни были на время прекращены.

Однако брак продолжался менее года. Деятельность царицы не понравилась многим из приближенных Ивана Васильевича, и вскоре Анну постригли в схиму под именем Дарья и заточили в монастыре. Прожила она еще 54 года и скончалась в августе 1626-го, уже после воцарения дома Романовых.

Призрак Дарьи, говорят, бродил одно время по Введенскому Тихвинскому монастырю Новгородской епархии, где она была настоятельницей, там и похоронена. Также видели ее

призрак и в лесах возле Тихвина, где она одно время скиталась, когда монастырь разорили шведы. Но в Москве, насколько можно судить, Колтовская не появляется.

Бояре уже не хотели отпускать своих дочерей к царю, и даже всячески прятали их. Потому Грозный, поняв, что просто так ничего не выйдет, решил снова жениться. Пятый его брак, с дочкой князя Долгорукого, оказался очень короток.

Наутро из брачной спальни Иван вышел весьма мрачен и объявил, что уезжает с царицей в Александровскую слободу. Там он, сообщив, что хочет половить рыбу, приказал очистить пруд ото льда. Когда треть ледяного покрова убрали, на краю поставили царское кресло. Вскоре показалось странное шествие: во главе государь на коне, за ним в санях, без чувств, крепко привязанная Долгорукая, далее – свита.

Царь въехал на лед, сошел с коня, сел в кресло и объявил, что жена досталась ему не девственной. Затем Малюта Скуратов подошел к саням с царицей и уколол запряженную в них лошадь в круп. Подбежали опричники и стали бить ее метлами. Та заметалась и вскоре вместе с санями с привязанной к ним Долгорукой скрылась в ледяной воде.

«Этот пруд, – писал современник Ивана Грозного англичанин Горсей, – был настоящей юдолью смерти. Много жертв было потоплено в нем. Рыбы там питались в изобилии человеческим мясом и оказывались отменно вкусными и пригодными для царского стола».

Призрак Долгорукой, говорят, неоднократно являлся к ее родственникам, но назвать его московским привидением вряд ли можно.

Понятно, что после этого происшествия дворяне еще пуще начали прятать своих дочерей от Грозного. Но как-то он заехал к своему любимцу князю Петру Васильчикову и увидел его семнадцатилетнюю дочь Анну. Иван тут же предложил послать ее во дворец. Васильчиков отказался. Царь весьма разгневался, но на следующий день прислал к Васильчикову сватов. Отказать было уже нельзя, и свадьба состоялась. Кто венчал – неизвестно, однако Анну царицей никто уже не признавал, а патриарх и епископы чуть ли не впрямую говорили, что это не брак, а блуд.

В браке Анна прожила всего три месяца. Затем объявили, что она умерла от «грудной болезни», а ее тело тайком ночью вывезли из дворца и отправили в Суздальский девичий монастырь для погребения. До свадьбы девушка была вполне здорова и никакими «грудными болезнями» не страдала. Некоторые связывают ее смерть с опалой Васильчикова и еще одного родственника Анны, Василия Умного, занимавшего последнее время место умершего Малюты.

Лишившись Умного, Иван приблизил к себе стремянного Никиту Мелентьева. Как-то заехав к нему в гости, он увидел жену Никиты, Василису. И влюбился. Какие подарки он только ни дарил, каких слов только ни говорил ей, но Василиса осталась непреклонна. Тогда однажды вместе с ближайшим окружением он ворвался в дом Мелентьева, когда те обедали. И пока слуги держали Никиту, царь изнасиловал Василису прямо на обеденном столе. А поскольку Никита смел при этом ругаться на государя, то его тут же и казнили как изменника. Впрочем, официальная версия последующего брака звучит более красиво: Грозный, по уверению летописи, взял себе в жены вдову, «мужа ее опричник закла». Попа, который бы обвенчал государя, отыскать не удалось, и потому над молодыми просто прочитали молитву.

Но Василиса оказалась женщиной не промах. Она не допускала Ивана до физического сближения и полностью подчинила его своей власти. Удалила из дворца всех женщин, практически прекратила казни, оргий больше не случалось, царь перестал ездить в Александровскую слободу, и у него прекратились эпилептические припадки.

Так продолжалось два года. Что произошло потом – не совсем ясно. Басманов привез в Александровскую слободу два закрытых гроба и велел священнику отпевать. Когда тот спросил, кого поминать, то Басманов ответил «усопших раб Господен». Отпевая, священник

слышал, что из одного из гробов доносились шорохи. Однако гробы положили в могилы и закопали. Холма Басманов велел не насыпать.

Считается, что в одном гробу лежала живая, но связанная и с заткнутым ртом Василиса, в другом – Иван Колычев. Говорят, что Грозный застал их за изменой. Но никаких определенных свидетельств, увы, нет. Даже не известно доподлинно, кто находился во втором гробе.

Призрак Василисы путешествует как по Александровской слободе, так и по Москве. Это полноватая женщина, связанная и с кляпом во рту. Считается, что она предвещает смерть тем, кто ее увидит. Впрочем, некоторые утверждают, что она является тем, кто будет похоронен заживо. Говорят, что ее призрак как-то видел Гоголь и потому панически боялся, что его зароят живым. Но про Гоголя и тайну его смерти мы более подробно поговорим ниже.

К этому времени любимцем царя стал Андрей Нагой. Он сосватал государю свою племянницу Марию. Венчание, как утверждают, было, но церковь считала этот брак незаконным, а родившегося в нем царевича Дмитрия, позже погибшего в Угличе, – незаконнорожденным.

При живой Нагой царь начал свататься к племяннице английской королевы, тридцатилетней Марии Гастингс. Кстати, в Ливонскую войну Грозный подбивал клинья и к самой королеве. Царский посол Писемский в ответ на недоуменный вопрос англичан про уже имеющуюся жену заявил, что царь не станет сохранять брак с Марией Нагой: «Государь взял на себя в своем государстве боярскую дочь, а не по себе, а будет королевина племянница дородна и тому великому делу достойна, и государь наш... свою оставя, зговорит за королевину племянницу».

Помимо прочего, этот брак был и политически выгоден: с одной стороны, Грозный хотел наладить дипломатические отношения с Европой, с другой – подготовить себе в Англии политическое убежище: доведенная опричниной и постоянным голодом страна была готова взорваться, и царь, похоже, понимал это лучше всех.

Но английский посол сообщил, что, во-первых, родство Марии с королевой самое дальнее, а во-вторых, она больна и «рожей не самое красна» – Гастингс перенесла оспу. В ответ сообщили, что Иван был готов к браку и с любой другой родственницей королевы. Впрочем, как человек мудрый, он никогда не клал все яйца в одну корзину – и 17 марта 1584 года отправил Шуйского в Швецию, желая посвататься за шведскую принцессу. Но уже на следующий день посольство догнал курьер и сообщил, что государь умер. Дипломатическим бракам было не суждено сбыться.

Джон Горсей писал, что царь «сам хвастал тем, что растлил тысячу дев, и тем, что тысячи его детей были лишены им жизни». Однако на женщинах Грозный не останавливался. Он сам в духовной грамоте признавал за собой и «блуд» просто, и «чрезъестественные блужения» в частности. Самым знаменитым любовником Грозного является, безусловно, Федор Басманов. Его ссора с князем Дмитрием Овчиной-Оболенским, сыном погибшего воеводы, весьма известна. Князь крикнул Федору, по утверждению Карамзина: «Мы служим царю трудами полезными, а ты гнусными делами содомскими!» Шлихтинг передает этот эпизод деликатнее: «Попрекнул его нечестным деянием, которое тот обычно творил с тираном». Басманов пожаловался царю, и тот, вызвав Оболенского, собственноручно вонзил ему нож в сердце. Впрочем, по другой версии, отправил в винные погреба, где его убили псари. А на следующий день послал домой к Оболенскому гонца и очень «удивился», узнав, что тот не ночевал. Грозный не хотел выносить этот сор из царской избы.

Басманова, кстати, традиционно изображают весьма женоподобным, а у Эйзенштейна он даже танцует в бальном женском платье. Но это, скорее всего, не так. Грозный мог овладеть любой женщиной, и в этом случае его интересовал как раз мужчина. По отзывам некоторых современников, Басманов выглядел весьма маскулинно.

Также некоторые исследователи считают, что царь сменил достаточное количество любовников, отправляя каждого на казнь, когда решал покаяться в очередной «противоестественной связи». Так что их имена до нас практически не дошли. На склоне лет он приблизил к себе Богдана Яковлевича Вельского, который, по сведениям папского посла Поссевино, «полных тринадцать лет был у государя в фаворе и спал в его комнате». Сложно сказать, был ли он любовником царя. Здесь, как в анекдоте: «Ах, опять эта проклятая неизвестность». Но все-таки для Грозного грех содомский был лишь баловством – основным его увлечением оставались женщины.

Привидение царя, однако, появляется по поводам далеко не амурным. Первое упоминание о его появлении относится к 1812 году, и произошло это перед войной с Наполеоном, во время которой, как известно, Москва была сожжена так же, как и при нашествии крымского хана. Говорят, фигура Грозного металась в темноте по Петровке, словно пытаясь о чем-то предупредить. Но, увы, разговаривать с призраком царя желающих не нашлось.

В следующий раз Иван появился в 1894 году, перед смертью Александра III. В короткий период междуцарствия он появлялся весьма часто: бродил по Кремлю, стоял задумчивый на ярусах колокольни Ивана Великого, грозил в сторону Запада посохом с Кремлевской стены.

О явлении призрака Ивана Васильевича сообщает в своих дневниках Николай II. Он вместе с Александрой Федоровной видел призрак тирана в ночь перед коронацией. Описывает это видение и сама Александра Федоровна в письмах к родным.

Чем закончилось это царствование, все мы знаем, и Грозный желал, видимо, предупредить об этом своего отдаленного потомка и коллегу.

Видел Грозного и Сталин, незадолго до нападения на СССР фашистской Германии. Именно с предупреждением, полученным от мертвого царя (которому, впрочем, современный тиран не внял), по мнению многих, и связана такая тяга Иосифа Виссарионовича к древнему государю.

Появляется тень Грозного в отблесках пламени, и в последний раз ее видели в 1979 году, в начале августа. Царь предрекал России очередные несчастья.

Глава 2 Привидения Смутного времени

Призрак Бориса Годунова

Призрак Бориса Годунова видят не слишком часто, и какую-либо закономерность в его появлениях так и не вывели. Возможно, Борис просто обижается на то, что стал самым, пожалуй, оболганным персонажем русской истории?

Родился Годунов в 1552 году. Рано оставшийся сиротой, он попал вместе с сестрой на воспитание к своему дяде Дмитрию Годунову, который был весьма близок к Грозному, являлся главой Постельничего приказа, то есть тем человеком, который отвечал за быт царской семьи и безопасность царя. Должность, что и говорить, более чем ответственная.

Борис же, когда подрос, женился на дочери другого царского любимца – Малюты Скуратова. Родственные связи в Кремле вообще были весьма тесны: на сестре Годунова, Ирине, был женат сын царя Федор.

После того как Грозный избил жену сына Ивана за то, что ее платье показалось ему слишком смелым, и у той случился выкидыш, а пришедшего ругаться сына ударил посохом и убил, будущее Бориса Годунова радикально изменилась. Впрочем, сам он об этом вряд ли тогда догадывался.

Он никогда не лез на первый план, и, например, хотя и состоял в опричниках, никакой памяти о своих злодеяниях не оставил. По всей видимости, Борис просто потихоньку делал карьеру, а не наслаждался царящим в стране беспределом. Несмотря на тесную связь с царем его дяди, он попал в ближайшее окружение лишь в последний год жизни государя. Именно он вместе с Богданом Бельским присутствовал при смерти Грозного и сам потом с крыльца объявил о случившемся народу. Англичанин Горсей, кстати, считал, что Грозного задушили, и в этом случае вина ложится как раз на Годунова. Но доказательств этому, как уже было сказано, нет.

Царем стал Федор Иванович. По наказу отца он создал регентский совет и пригласил в него Годунова, хотя Грозный его в завещании и не упоминал.

Но в результате борьбы за влияние на нового государя совет распался, многие оказались в тюрьмах, многие в опале, Годунов же остался при царе. Часть историков говорит о том, что фактически он и управлял страной вместо «придурковатого» Федора, но это все-таки неверно. Как бы ни убеждала нас романовская историческая наука, принявшаяся потом кроить историю на свой лад, но Федор Иванович все-таки был весьма разумным правителем, и возражать ему Борис вряд ли мог. Это был царь, и достаточно понимать настроения того времени, чтобы не верить в сказки про управление Годунова. Впервые, кстати, об этом «регентстве» пишет жена Самозванца Марина Мнишек – источник, тоже не заслуживающий особого доверия.

От брака с Ириной Годуновой Федор имел одну дочь, прожившую всего девять месяцев и скончавшуюся в 1594 году. Династия Рюриковичей пресеклась. Противники Годунова Шуйские решили устранить Ирину и хотели просить царя Федора развестись с ней по причине ее бесплодия. Они понимали, что в случае смерти царя трон, скорее всего, достанется ей, а следовательно, Годунову. Шуйские даже успели уговорить митрополита Дионисия принять участие в этом плане. Но Годунов узнал о заговоре, и Шуйские отправились в ссылку. После смерти Федора Ивановича (7 января 1598 года) бояре, опасаясь бедствий междуцар-

ствия, решили присягнуть Ирине, но та на девятый день после смерти мужа удалилась в Новодевичий монастырь, где постриглась, приняв имя Александры.

После этого состоялись выборы царя. 17 февраля 1598 года Земский собор избрал на царство Бориса Годунова, но Боярская дума еще весьма долго интриговала, отказываясь признать эти выборы, и выпускала приказы от имени «царицы Александры».

Годунов же поклялся первые пять лет царствования избегать боярских казней и, несмотря на такую мощную оппозицию, слово свое сдержал. Бояре отправлялись только в ссылки, но не на плаху. Несмотря на устоявшуюся легенду, скорее всего, нет никакой вины Бориса и в смерти царевича Дмитрия. Никакого права на престол Дмитрий не имел: брак был признан незаконным, а сам Дмитрий считался незаконнорожденным. Так что, скорее всего, расследование, проведенное Борисом, показывало правду: у мальчика случился эпилептический припадок, когда он играл с ножиком. Свидетельств, весьма прочных, этому немало. Другое дело, что немного позже, когда на Руси начинала назревать Смута, слишком многим оказалось выгодно вывернуть эту историю в свою сторону.

Именно Борис, задолго до Петра, начал активно приглашать на русскую службу иностранцев и вообще шел на сближение с Западом, стараясь цивилизовать Россию. Во времена Грозного пути Европы и России разошлись, и Годунов пытался сократить этот разрыв.

Но все-таки Борис был невезучим царем. В 1601 году шли долгие дожди, а потом грянули ранние морозы, и случился неурожай. И так повторялось еще два года. Сегодня это время носит название Малого Ледникового периода, и связан этот период с замедлением Гольфстрима. Подобный же холод был по всему миру, и замерзали даже южные моря. В России же Малый Ледниковый период запомнился исключительно холодными летними месяцами 1601, 1602 и 1604 годов. Морозы ударяли в июле-августе, и на Москве-реке в это время даже вставал лед, а в начале сентября уже ложился снег.

Цена хлеба увеличилась в 100 раз. Борис пытался, как мог, с этим бороться: ограничил цены на зерно, раздавал беднякам деньги, но это приводило лишь к инфляции и торговле из-под полы. Тогда он открыл царские амбары и начал раздавать хлеб. Со всей страны в Москву устремились голодные, бросив те скудные средства к выживанию, что оставались у них дома. Хлеба, естественно, на всех не хватило, и в Москве начался страшный голод. Считается, что только официально было похоронено около 127 тысяч, умерших голодной смертью. Население Москвы тогда составляло чуть более 100 тысяч. Естественно, хоронить такое количество трупов не успевали, и они валялись по улицам, разлагаясь и наполняя столицу зловонием и болезнями.

И если при Грозном подобный, тоже трехлетний, голод был снесен покорно, то при Борисе начались разговоры о том, что это наказание Божие за то, что царь – ненастоящий. Многие теперь обвиняют в начавшейся Смуте Романовых, стремившихся заполучить власть, но никаких доказательств этому, естественно, нет. Недаром наша история триста лет переписывалась так, как это было необходимо последнему правящему дому.

Пошли слухи, что царевич Дмитрий жив и скрывается у казаков. По всей территории страны начались волнения. 16 октября 1604 года Лжедмитрий I вместе с небольшим количеством поляков и казаков двинулся из Польши на Москву. Но в январе 1605-го был разбит и отступил в Путивль.

О болезненности Бориса упоминали летописи еще в 1699 году, а последующие треволнения вряд ли улучшили его здоровье. 13 апреля 1605 года он, с аппетитом пообедав, поднялся на вышку, с которой нередко обозревал Москву. Но, вскоре вернувшись, заявил, что чувствует дурноту. Из ушей и носа у него пошла кровь. Позвали доктора, но царь лишился чувств и вскоре умер. Похоронили Бориса в Кремлевском Архангельском соборе.

Царем стал его сын – Федор, весьма образованный и чрезвычайно умный. Но в Москве случился мятеж, спровоцированный Лжедмитрием, и Федора и его мать убили. Дочь Бориса оставили в живых – она должна была стать наложницей нового государя.

Гроб Бориса вынесли из Архангельского собора и перезахоронили в Варсонофьевском монастыре близ Лубянки, вместе с семьей, без отпевания, как хоронят самоубийц.

Призрак Годунова появляется в Москве в преддверии смутного времени. Его видели, например, в октябре 1993 года у Белого дома. Лицо у Бориса черное, а кафтан, хотя и золотой, весь рваный. Показывался он и незадолго перед отставкой Ельцина, а потом и перед его смертью, плача. Говорят, что, предвещая смерть первого президента России, Борис ходил по Москве вместе с сыном Федором. Борис, по всей видимости, сочувствовал первому президенту России: многие, вполне справедливо, сравнивают голод, случившийся в его правление, с катастрофически низкими ценами на нефть в 1990-е годы.

Призрак Лжедмитрия I

Лжедмитрий, именовавший себя царевичем, а затем царем Дмитрием Ивановичем, правил Россией меньше года. Он был венчан на царство 1 июня 1605 года, и, кстати, именно он первым из русских правителей стал именовать себя императором. Царь Петр возвел себя в это звание лишь через сто лет. Петр вообще очень много характерных признаков своего царствования позаимствовал у Дмитрия Ивановича.

Войдя со стороны Польши, Лжедмитрий со своим слабым войском весьма долго кружил по России, и, когда, наконец, добрался до Москвы, столица, возмущенная боярами, которые под шумок хотели забрать власть себе, была уже готова к приходу нового государя. Здесь царил смута и имел место, фактически, перманентный бунт.

Лжедмитрий появился на окраине города верхом, в украшенной золотом одежде, в богатом ожерелье, на пышно убранном коне, в сопровождении роскошной свиты. В Кремле его уже ожидало духовенство с образами и хоругвями. Впрочем, во время церковного пения сопровождавшие Лжедмитрия поляки играли на трубах и били в литавры, что сразу отметили, и это было первое недовольство новым государем.

Сопровождавший Дмитрия Богдан Бельский – тот самый, что присутствовал при смерти Грозного, поднявшись на Лобное место, снял с себя крест и образ Николы Чудотворца, сказал: «Православные! Благодарите Бога за спасение нашего солнышка, государя царя, Димитрия Ивановича. Как бы вас лихие люди ни смущали, ничему не верьте. Это истинный сын царя Ивана Васильевича. В уверение я целую перед вами Животворящий Крест и святого Николу Чудотворца».

Потом Лжедмитрий долго рыдал на могиле своего «отца», а затем потребовал привести к нему его мать, Марфу Нагую.

18 июля Марфа прибыла из ссылки, и «сын» встретил ее в селе Тайнинском, на глазах огромного количества народа. Он соскочил с коня и бросился к карете, а Марфа, откинув боковой занавес, приняла его в объятия. Оба рыдали, и весь дальнейший путь до Москвы Дмитрий проделал пешком, шагая рядом с каретой матери.

Забавно – именно Нагая кричала, что Дмитрия убили, и обвиняла в этом Годунова. Между тем, как показывали свидетели, мальчик упал сам. Теперь она, до того признававшая в трупе мальчика своего сына, опознала его в самозванце. Она в свое время, когда выходила замуж за государя, наплевала на всю эфемерность брака и осуждение людей и духовенства и явно не собиралась заканчивать свою жизнь постысь в монастыре.

Главным вопросом до сих пор остается то, кем же на самом деле был Лжедмитрий. Конрад Буссов, немецкий наемник на русской службе, очевидец времени Смуты, считал, что под ликом Дмитрия скрывался незаконный сын польского короля Стефана Батория. Буссов писал, что зная, недовольная правлением Бориса Годунова, отправила монаха Чудова монастыря Григория Отрепьева на Днепр с заданием отыскать и представить польскому двору самозванца, похожего на Дмитрия. Отрепьев, по словам Буссова, передал самозванцу нательный крест с именем Димитрий и в дальнейшем вербовал для него людей в Диком поле.

С одной стороны, Лжедмитрий весьма ловко танцевал и ездил верхом, отлично стрелял и владел саблей, говор у него был «немосковский», а вот по-польски он изъяснялся отлично. Но, с другой стороны, писал Лжедмитрий по-польски и по-латыни с ужасными ошибками, хотя эти два языка были в Польше обязательны для изучения. Да и поляки, по многим свидетельствам того времени, относились к Дмитрию с большим подозрением. Так что тут вряд ли речь может идти о королевском сыне, пусть и незаконном.

Другая версия, самая популярная, гласит, что Дмитрием был сам беглый монах Григорий Отрепьев. Первым ее выдвинул Годунов в письме к польскому королю. Но само это

письмо настолько тенденциозно, что верить ему очень сложно. Борис пишет, в частности, что Отрепьев «як был в миру, и он по своему злодейству отца своего не слушал, впал в ересь, и воровал, крал, играл в зерню, и бражничал, и бегал от отца многожды, и заворовався, постригсе у черницы...». А продолжение еще сильнее начала: став монахом, Отрепьев, по словам Бориса, ударился в чернокнижие, вызвал демонов, и те убедили его отречься от Бога и продать душу.

Между тем некоторые части подлинной биографии Юрия (а в постриге Григория) Отрепьева весьма любопытны. Он принадлежал к знатному, но обедневшему роду Нелидовых и был на год или два старше царевича. Родился в Галиче, а его отец, Богдан, арендовал землю у Никиты Романовича Захарьина (деда будущего царя Михаила), чье имение находилось по соседству. Мальчик оказался способный, и, так как Богдан погиб в пьяной драке, Юрия отправили в Москву, на службу к Михаилу Никитичу Романову. Служил он у него специальным порученцем, что уже говорит о многом.

В монахи Юрий постригся, когда с романовским «кружком», рвущимся к трону, власти стали разбираться, но, поскитавшись по провинциальным монастырям, Григорий понял, что такая жизнь его не устраивает, и вернулся в столицу, в аристократический Чудов монастырь. Там он вскоре начал хвастаться, по словам Бориса, что займет трон государя. На него донесли, но кто-то влиятельный отложил арест и дал Григорию время уйти.

С одной стороны, о возможности этой версии говорит то, что Дмитрий в письмах употребляет довольно много слов из церковно-славянского, а судя по его переписке с патриархом Иовом, они были знакомы лично. Но, с другой стороны, откуда Юрию знать всякие европейские премудрости? Рядом же с Лжедмитрием, по свидетельству современников, даже видные российские дипломаты выглядели «московитскими чурбанами».

К тому же Отрепьева слишком многие знали, и ничего не стоило его изобличить. К тому же Лжедмитрий возил при себе монаха, утверждая, что тот, дескать, и есть Отрепьев. Борис писал, что это некий старец Леонид, но монах в итоге спился и был сослан Лжедмитрием под Ярославль, весьма близко к тем местам, где точно бывал настоящий Отрепьев. И если это был и в самом деле Леонид, то подлог мог бы быть элементарно разоблачен.

К тому же самозванец имел весьма приметную внешность: большие бородавки на лице, разные по длине руки, рыжие волосы, родимое пятно выше кисти – и если это оказался Отрепьев, то его точно бы запомнили. Кстати, Лжедмитрий был весьма силен и легко гнул подковы – еще одна весьма запоминающаяся примета.

Другое дело, что Отрепьев – это очевидно – принимал живейшее участие в воцарении самозванца, и, зная, чьим порученцем он был, мы можем вычислить вдохновителей и спонсоров, говоря современным языком, охватившей Русь Смуты.

Еще одна существующая версия – Дмитрий был подлинным Дмитрием. Уже вскоре после смерти царевича стали ходить слухи о том, что убит был некий мальчик Истомин, а подлинный Дмитрий – спасен и скрыт. Одним из столпов этой версии было то, что Нагая не делала заупокойных «вкладов» за убитого сына, то есть знала, что он жив, а поминать живых – великий грех. Но в прошлом веке заупокойные вклады Нагой за Дмитрия все-таки обнаружили. Остальные доказательства, в принципе, можно и не рассматривать.

Историк Н. И. Костомаров полагал, что самозванец родом из Западной Руси, сын какого-нибудь мелкого дворянина, беглеца из Москвы. Эта теория, стоит сказать, более всего походит на правду.

30 июля 1605 года новоназначенный патриарх Игнатий венчал Дмитрия на царство, и тут же из ссылки возвратили бояр и князей, бывших в опале. Прощение получили и все родственники Филарета Романова, а его самого возвели в ростовские митрополиты. Служилым людям удвоили содержание, а помещикам – земельные наделы. Все это было сделано за счет земельных и денежных конфискаций у монастырей.

Срок преследования беглых установили в пять лет, а крестьянам разрешили уходить от помещика, если тот их не кормит в голод. Взятчиков приказали водить по городу, повесив на шею денежную мошну или то, чем бралась взятка, вплоть до соленой рыбы, и при этом бить палками. Дворян избавили от телесных наказаний, но они были вынуждены выплачивать за преступления большие штрафы.

Дмитрий часто гулял по городу, общаясь с простыми людьми. Но при такой доступности царь учредил иностранную охрану, которая обеспечивала его личную безопасность, а от русской, наученный, видимо, опытом предыдущего правителя, отказался. Подобное «западничество» возмутило весьма многих.

Также Дмитрий отменил препятствия к въезду и выезду из государства и передвижению внутри него. Англичане, бывшие в то время в Москве, замечали, что такой свободы не знала еще ни одна европейская страна.

Лжедмитрий планировал войну с турками, готовя удар по Азову, и хотел присоединить к стране устье Дона. Также он готовился к войне со Швецией. Все это воплотит лишь Петр I. Искал Лжедмитрий поддержки на Западе, но, поскольку обещания по уступке земель и поддержке католической веры он выполнять отказался, европейские монархи не спешили налаживать с ним дипломатические отношения. Помимо этого, по некоторым данным, Лжедмитрий поддерживал отношения с польскими магнатами, желающими свергнуть своего короля. Так что, хотя Лжедмитрий и называл монахов «дармоедами» и «лицемерами», остальная его политика оказывается весьма русской. В итоге сложилась двойственная ситуация: с одной стороны, народ Дмитрия любил, но, с другой, подозревал в самозванстве.

Смута же не прекращалась: постоянно создавались новые заговоры, с Дона на Москву шло войско во главе с Илейкой Муромцем, выдававшим себя за никогда не существовавшего царевича Петра Федоровича – «внука» царя Ивана. Боярский заговор возглавлял Василий Шуйский, который впрямую говорил, что Дмитрий был посажен на царство, чтобы свалить Годуновых, а теперь же пришло время свалить и его самого. Заговорщики наняли стрельцов и убийцу Федора Годунова – Шеремединова. Те 8 января 1606 года ворвались во дворец, но выдали себя излишним шумом. Шеремединов сумел бежать, семеро же его подручных были схвачены. Дмитрий с Красного крыльца обратился к народу с упреками, и все встали на колени и просили у него прощения. Затем царь ушел во внутренние покои, а оставленных на крыльце семерых заговорщиков растерзала толпа.

В конце апреля 1606 года в Москву прибыла Марина Мнишек, а 8 мая она была коронована царицей, приняв перед этим миропомазание «по греческому обряду», как символ перехода в православие. 9 мая, в Николин день, против всех традиций, начался многодневный свадебный пир, на котором к тому же угощали телятиной, едой в Московии «поганой». Прибывшие с Мариной поляки врываются в дома, грабили и насиловали, утверждая, что царь им не указ, так как они сами посадили его на трон.

14 мая Василий Шуйский собрал верных ему людей и решил в субботу ударить в набат, а потом под видом защиты царя от покушения начать бунт. Немцы, жившие в Москве и русского бунта справедливо опасавшиеся, Дмитрию об этом донесли, но он не обратил никакого внимания, а наоборот, даже пообещал наказать доносчиков. Дмитрия предупреждали о готовящемся бунте еще несколько раз, но тот лишь отмахивался. Ночью Шуйский уменьшил немецкую охрану во дворце от ста до тридцати человек, открыл тюрьмы и выдал толпе оружие.

На рассвете 17 мая 1606 года ударили в набат на Ильинке, другие пономари, не зная, в чем дело, подхватили, а Шуйские, Голицын и Татищев въехали на Красную площадь в сопровождении двухсот верных людей, с криками, что «литва» пытается убить царя. Возбужденные москвичи кинулись убивать и грабить поляков.

Шуйский же въехал в Кремль и приказал верным ему людям «идти на злого еретика». Дмитрий проснулся и кинулся во дворец, где Шуйский сказал ему, что Москва горит. Царь собрался ехать на пожар, но в двери уже ломилась толпа, сметая ослабленную иностранную охрану. Басманов, последний оставшийся с Дмитрием, открыл окно и попытался выяснить, что происходит, но ему крикнули: «Отдай нам твоего вора, тогда поговоришь с нами».

Дмитрий вырвал у одного из стражников алебарду, открыл дверь и стал кричать: «Прочь! Я вам не Борис!» Басманов спустился на крыльцо, пытаясь уговорить толпу разойтись, но Татищев ударил его ножом в сердце.

Дмитрий, поняв, что все чересчур серьезно, дверь запер и попытался, перебравшись через окно на стоящие у дворца ремонтные леса, спуститься вниз и смешаться с толпой, но сорвался и упал. Его нашли стрельцы: царь был без сознания, с вывихнутой ногой и разбитой грудью. Очнувшись, он пообещал стрельцам боярство и имущество бунтовщиков. Они внесли его назад в палаты и стали держать оборону. Заговорщики принялись пугать стрельцов, что истребят их жен и детей, если те не выдадут «вора». Стрельцы захотели еще раз услышать подтверждение Марфы Нагой, что царь настоящий, а если нет – «то Бог в нем волен».

Пока гонец Иван Голицын ездил к Марфе за ответом, заговорщики все-таки добрались до Дмитрия, сорвали с него царское платье, нарядили в лохмотья и потребовали сказать, кто его отец. Он же твердил, что отец его Иван Грозный, и слова его матери, Нагой, тому порукой. Но заговорщики снова повторяли свой вопрос, дергали Дмитрия за уши и тыкали пальцами в глаза.

Наконец Голицын вернулся и крикнул, что Марфа говорит: ее сына убили в Угличе, после чего боярский сын Григорий Валуев сказал: «Что толковать с еретиком: вот я благословлю польского свистуна!» – и выстрелил в Дмитрия. Окружающие тут же добились царя мечами и алебардами.

Затем тела Дмитрия и Басманова через Фроловские (Спасские) ворота выволокли на Красную площадь, где сорвали с них одежду. Поравнявшись с Вознесенским монастырем, вновь толпа потребовала ответа от Нагой – ее ли это сын. Та коротко ответила: «Не мой». Затем день тела лежали в грязи посреди рынка. На второй день принесли стол, и Дмитрия положили на стол, водрузив ему на лицо маску, что он готовил к карнавалу, а в рот вставив дудку. Басманова же бросили под стол. Три дня тела посыпали песком, мазали дегтем и «всякой мерзостью».

Многие москвичи, видя это, плакали, и Шуйский тут же включил контрпропаганду. Было объявлено, что маска – это и есть та «харя», которой Лжедмитрий поклонялся, и тут же на рынке стали зачитываться «грамоты» о жизни Отрепьева в монастыре. А в Углич отправили срочно созданную комиссию по канонизации царевича Дмитрия для обретения его мощей.

Затем Басманова похоронили у церкви Николы Мокрого, а Дмитрия на кладбище для упившихся или замерзших, за Серпуховскими воротами.

И тут же многие москвичи стали видеть, что мертвый Дмитрий ходит по городу, а над его могилой по ночам светятся огоньки. Ударившие тут же морозы, которые погубили траву на полях и посеянное зерно, убедили народ в истинности этих видений и в том, что расстрига явно колдует и после смерти. После такого предвестья голода над его могилой стали уже слышать бубны и дудки.

Другие, впрочем, рассказывали, что уже на следующий день после погребения тело само собой оказалось у богадельни, а рядом с ним вились два белых голубя, которых никто не мог отогнать. Труп «вора» закопали поглубже, но через неделю он обнаружился на другом кладбище. Стали говорить, что русская земля не хочет принимать польского «вора», и попытались труп сжечь. Но огонь тоже отказался его брать. Но все же каким-то образом труп

сожгли и, перемешав пепел с порохом, выстрелили в ту сторону, откуда «вор» появился, – в сторону Польши.

Однако по Москве стали распространяться подметные письма, что Дмитрий спасся, а вместо него убит двойник. Шуйский прямо обвинил в авторстве этих писем Филарета Романова. Но это уже совсем другая история.

Лжедмитрий I, по воспоминаниям очевидцев, снова появился в Москве в дни Февральской революции. Когда уже стало известно о беспорядках в Петрограде и о перестрелке Волынского полка с полицией, московский врач Федор Сыров записал в дневнике: «Возвращаясь поздно вечером по Арбату, увидел странного человека, с острым неприятным лицом и в старинной одежде. Он хохотал и что-то кричал. Разобрал только одно слово: „Так!“ Когда я обернулся, чтобы посмотреть на него еще раз, то он будто исчез. Думал, что это, возможно, упившийся актер, но Мишель (брат автора дневника. – *Прим. ред.*) сказал мне, что первый самозванец тоже ходил полностью

бритый. Нашли в книге его портрет, и мне стало жутко – почти полное сходство. Что нас ждет?» Запись в этом же дневнике от 7 марта: «Говорят, что в Кремле видели призрак Лжедмитрия. Описывают его точно так же, как видел и я. Страшно».

В следующий раз, уже не в Кремле, а на Кремлевской стене призрак Лжедмитрия появился поздним вечером 18 августа 1991 года. Радовался он или печалился – никто не понял...

Призрак Марины Мнишек

Столешников пер., ст. м. «Охотный Ряд»

Призрак неудачливой московской царицы Марины видят на набережной Москвы-реки и в Столешниковом переулке. Многие, будучи наслышаны про ее хитрости и коварство, воспринимают полячку как женщину вполне зрелую, но между тем дожила Марина всего лишь до двадцати шести лет. Успев, правда, весьма изрядно побаламутить за эти невеликие годы страну московитов. Марина, кстати, стала первой женщиной, коронованной как русская царица. Вторая – уже Екатерина I, жена Петра I.

Марина, или Марианна Юрьевна, Мнишек родилась около 1588 года в семье сандомирского воеводы Ежи Мнишека и Ядвиги Тарло. Марина, по общим отзывам, была весьма красива, с тонкими чертами лица, черными волосами, небольшого роста. Историк Н. И. Костомаров пишет: «Глаза ее блистали отвагою, а тонкие сжатые губы и узкий подбородок придавали что-то сухое и хитрое всей физиономии».

Марина в своих записках излагала ту историю Лжедмитрия, в которую, возможно, верила, но, скорее всего, просто принимала на веру. По ее словам, когда по Угличу прошел слух, что царевича хотят убить, его лекарь, влах (валах, румын. – *Прим. ред.*), нашел простого мальчика и велел тому весь день быть с царевичем, и даже ложиться спать в одной постели. Когда же дети засыпали, то лекарь брал царевича и уносил его ночевать в другое место. Так что ворвавшиеся ночью заговорщики удавили вместо царевича просто ребенка. Но лекарь, видя настроения в стране и опасаясь за жизнь царевича, открываться не стал, а уехал вместе с царевичем к самому «Ледовитому морю», никому не говоря, кто этот ребенок на самом деле. Когда же Дмитрий подрос, то поступил в монахи и, меняя монастыри, постепенно добрался до Москвы. Но, поняв, что в роли царя он тут никому не нужен, отправился монашествовать в Польшу. Там он на исповеди, в 1604 году, открыл, кто он есть, и его уговорили объявить об этом публично. Когда Дмитрий согласился, то его переодели в цивильное платье и отвели к сандомирскому воеводе, который тут же начал хлопотать о возвращении престола Дмитрию.

Между одной из дочерей воеводы и русским царевичем случился роман. А вскоре и помолвка, при которой Марине, кроме денег и бриллиантов, были обещаны Новгород и Псков. Помимо того, ей предоставили право исповедовать католичество и получить развод, если Дмитрий не выполнит своих обещаний. Ко всему прочему, в договоре указывалось, что Дмитрий постарается подчинить Московское государство римскому престолу. То есть роль Марины оказывалась даже апостольской.

Однако, став царем, Дмитрий не спешил выполнять обещания, данные в Польше. Тянул он и с браком: все лето развлекался с женщинами, и лишь в ноябре 1605 года дьяк Власев, посланный послом в Польшу, заявил о желании государя обручиться. Тут же состоялось заочное обручение, а 8 апреля 1606 года Марина вместе с родственниками и обширной свитой пересекла польско-русскую границу. По всей дороге для нее устраивались мосты и гати, и в каждом населенном пункте Марину встречали иконами, хлебом и солью. Под Москвой Марина остановилась в специально для нее подготовленных шатрах, и к ней с богатыми дарами потянулось купечество и бояре.

3 мая Марина въехала в столицу. Н. И. Костомаров писал: «Народ в огромном стечении приветствовал свою будущую государыню. Посреди множества карет, ехавших впереди и сзади и нагруженных панями и паньями, ехала будущая царица, в красной карете с серебряными накладками и позолоченными колесами, обитой внутри красным бархатом, сидя на подушке, унизированной жемчугом, одетая в белое атласное платье, вся осыпанная дра-

гоценными камнями. Звон колоколов, гром пушечных выстрелов, звуки польской музыки, восклицания, раздававшиеся разом и по-великорусски, и по-малорусски, и по-польски, сливались между собою. Едва ли еще когда-нибудь Москва принимала такой шумный праздничный вид». Через пять дней Марина стала женой государя и царицей.

Но Дмитрий и тут снова схитрил. Он разрешил Марине «келейно» придерживаться римских обрядов, но на людях она должна была соблюдать православные посты, принимать причастие в православном храме, не ходить простоволосой... – фактически принять, к большому неудовольствию римского престола и польских спонсоров Дмитрия, православие. Лжедмитрий, собственно, показал себя великолепнейшим стратегом: впрямую он не отказался выполнить ни одного своего обещания, но понятно, что ни на какие уступки Европе он идти не собирался. Скорее всего, не были бы даны Марине и обещанные Новгород и Псков. Вернее, скорее всего, даны, правда, с какими-нибудь условиями, которые сводили бы на нет ценность подарка. Но этого узнать было не суждено: процарствовала Марина ровно неделю...

Непонятно, зачем Лжедмитрий женился на Марине. Возможно, чувствовал некий долг перед сандомирским воеводой. Но, скорее всего, он был просто впечатлен красотой и сильным характером Марины и, при всех своих возможностях, так и не мог вычеркнуть ее из своего сердца.

Свадьба была сыграна по русскому обычаю, и Марина была вынуждена, против своего желания, ходить в русской одежде, до того униженной драгоценными камнями, что, как вспоминали современники, было невозможно разглядеть цвет материи. Потекли веселые дни пиров. В воскресенье готовился маскарад с великолепным освещением дворцов, а под Москвой строили шуточную крепость, которую одни должны были брать приступом, а другие защищать. Поляки затевали рыцарский турнир, да и вообще жизнь обещала быть веселой. Но настала суббота, 16 мая.

Марину разбудил набатный звон. Не обнаружив около себя супруга, она быстро поняла, что происходит, и, наскоро надев юбку, с растрепанными волосами бросилась в нижние покои каменного дворца, надеясь укрыться. Но набат, выстрелы и крики, доносящиеся снаружи, сильно пугали царицу, и долго во дворце она не просидела, решив, что необходимо менять местоположение. Марина вышла из своего убежища и стала подниматься по лестнице, на которой столкнулась с заговорщиками, которые искали ее и Дмитрия. Правда, в таком виде «воровку» они не узнали и просто столкнули ее с лестницы. Марина вбежала в свои покои, где собрались придворные дамы, а из мужчин только паж Марины Осмольский. Он запер дверь и объявил пытавшейся ворваться толпе, что они смогут сделать это только «по его трупу». Заговорщики не заставили себя уговаривать: дверь была выбита, Осмольский застрелен, а его тело изрублено в куски.

Шуйский, как известно, открыл тюрьмы, и потому толпа бунтовщиков во многом состояла из их «постояльцев». Они начали приставать к женщинам, отпускать непристойные шутки, бранно выражаться... Испуганные дамы сбились в кружок, а Марина, пользуясь своим небольшим ростом, спряталась под юбкою своей приближенной. Тут, к счастью, прибежали бояре и разогнали толпу.

Шуйский приставил к Марине стражу, и она оставалась во дворце до среды. Ее повар был убит, и Шуйский, зная, что Марина не переносит русскую кухню, позволил присылать ей пищу от ее отца. В среду Марине сказали: «Муж твой, Гришка Отрепьев, вор, изменник и прелестник, обманул нас всех, назвавшись Димитрием, а ты знала его в Польше и вышла за него замуж, тебе ведомо было, что он вор, а не прямой царевич. За это отдай все и вороти, что вор тебе в Польшу пересылал и в Москве давал». Марина указала им на свои драгоценности и ответила: «Вот мои ожерелья, камни, жемчуг, цепи, браслеты... все возьмите, оставьте

мне только ночное платье, в чем бы я могла уйти к отцу. Я готова вам заплатить и за то, что проела у вас с моими людьми».

«Мы за проесть ничего не берем, – заявили, по уверению Н. И. Костомарова, москвичи, – но вороти нам те 55 000 рублей, что вор переслал тебе в Польшу».

Марина объяснила, что эти деньги потрачены на путешествие, но, если ее отпустят, она готова выслать из Польши столько, сколько будет приказано. Между тем москвичи отобрали у Мнишеков все, что можно было отобрать, и в насмешку выслали им назад пустые сундуки. Марину после этого отослали к отцу.

Часть польских гостей из Москвы отпустили, но знатных Шуйский оставил в заложниках, опасаясь, что Сигизмунд начнет мстить за резню, учиненную над поляками в Москве. Жили заложники в доме дьяка Власьева, которого за общение с Дмитрием сослали, а его имущество Шуйский отписал на себя.

По Москве стали распространяться слухи, что Дмитрий не убит, а вместо него подкинут чужой труп. Тело, выставленное на всеобщее обозрение, и в самом деле, настолько изуродовали, что понять кто это не было никакой возможности. Шуйский, опасаясь, что дело может окончиться бунтом и освобождением поляков, разослал их в разные города. Марина с отцом, братом, дядею и племянником оказалась в Ярославле. Здесь они прожили до июня 1608 года.

Россия между тем бурлила. Сначала под именем Дмитрия явился Болотников, и Шуйский едва одолел его, затем появился из литовских владений новый Дмитрий. Подозревают, что эту экспедицию организовала жена Мнишека, пытаясь освободить своих родственников. Впрочем, этот самозванец назывался не Дмитрием, а его дядей Нагим, а Дмитрий, дескать, «идет следом». Но в Путивле стали с нетерпением разыскивать Дмитрия, и выяснилось, что никакого Дмитрия никто не видел, а есть только его дядя. Один из соратников «дяди», преданный пытке, закричал, указывая на Нагого: «Вот Димитрий Иванович, он стоит перед вами и смотрит, как вы меня мучите. Он вам не объявил о себе сразу, потому что не знал, рады ли вы будете его приходу».

Новокрещеный Дмитрий принял грозный вид, и народ тут же упал ему в ноги, прося у государя прощения. Тут же к нему стали стекаться со всех окрестных земель воины, готовые восстанавливать царевича на троне. Вскоре войско собралось весьма серьезное, но в то, что перед ними настоящий Дмитрий, из верхушки никто не верил, каждый лишь преследовал некие свои цели. Прибывший с сильным отрядом князь Рожинский отстранил от управления соратника Дмитрия Меховецкого и начал так помывать будущим царем, что тот два раза пытался убежать, но его возвращали. В третий раз он, прежде не пивший водки, решил упиться ею до смерти, но и это ему не удалось. И тогда названный царь решил предаться своему жребию.

Дела нового самозванца пошли успешно: вскоре были взяты Карачев, Брянск, Орел... Единственная проблема, с которой он столкнулся, была в том, что по всей России возникло множество царевичей Дмитриев, и этому, «настоящему», пришлось рассылать грамоты с приказом бить воров кнутом и задерживать до царского указа.

Вскоре войско Лжедмитрия разбило полки Шуйского и беспрепятственно подошло к Москве. Лагерь был заложен в селе Тушине, между Москвой-рекой и впадавшей в нее рекой Вхотней. Сторонники Шуйского прозвали нового претендента Тушинским вором, под этим именем новый самозванец и остался в истории. Но сторонников у Шуйского становилось все меньше: уже и бояре старинных родов поехали присягать в Тушино, а российские города откладывались от законного царя один за одним.

Шуйский между тем заключил с Польшей мир на три года и одиннадцать месяцев, в условия которого входило отпустить всех задержанных поляков. Марину с семьей привезли в Москву, где она официально отказалась от титула царицы и затем отправилась в Польшу.

Однако в Тушине узнали о визите в столицу жены самозванца и погнались за ней. Мнишеков нагнали уже неподалеку от границы, 16 августа. Внушительная охрана, конвоировавшая Мнишеков, тут же разбежалась, Марина испугалась не меньше, но тут как раз появился Ян Сапега, идущий во главе отряда из семи тысяч удальцов к Тушину. Он уговорил Марину отправиться с ним, уверяя ее, что муж ее спасся. Марину это известие очень обрадовало, и она последовала в Тушино и при этом веселилась и пела. Князю Мосальскому стало жалко ее, и, подъехав к карете, он сказал: «Вы, Марина Юрьевна, песенки распеваете, оно бы кстати было, если бы вы в Тушине нашли вашего мужа; на беду, там уже не тот Дмитрий, а другой». Марина, которая, значит, все-таки любила Дмитрия, начала кричать и плакать. Мосальский, испугавшись мести князей, бежал с дороги к Шуйскому.

Марина отказывалась ехать, а везти ее насильно казалось неудобным, так как необходима была ее искренняя радость при встрече с супругом. Сапега уговаривал Марину пять дней, но все было бесполезно. В итоге к Дмитрию отправился Мнишек, ее отец, и тот пообещал ему 300 000 рублей и Северскую землю с 14 городами. Марина была продана.

На следующий день Вор приехал к Марине, но она отвернулась от него с омерзением. Наконец, путем долгой торговли Марину сумели убедить не противиться, с одной стороны говоря ей, что это подвиг веры, с другой – что Дмитрий не будет с ней жить, пока не станет полноправным царем. На следующий день Сапега повез Марину в воровской табор, где она и Дмитрий на глазах у всех бросились друг к другу в объятия и возблагодарили Бога, что тот позволил им снова соединиться.

Мнишек прожил в лагере четыре месяца, имея с Мариной весьма холодные отношения и общаясь, в основном, с Дмитрием, а затем отбыл в Польшу. Там он понял, что самозванец польского короля не интересуется, а чтобы его не присовокупили к этому обману, прервал с Дмитрием и Мариной всяческую переписку, говоря, что дочь действует по своему разумению.

Российские города, узнав о том, что Марина Дмитрия опознала, один за одним переходили на сторону самозванца. Стояла твердо лишь Москва. С наступлением осени табор стал обустроиваться: копались землянки, те, кто побогаче, ставили избы, для лошадей из хвороста с соломой создавали загоны. Это был уже полноценный город, хотя и совершенно разбойничий. Сюда стекались любители азартных игр, легкодоступные женщины, винокуры. Одних торговых людей, которые стояли отдельно от военного лагеря, насчитывалось около трех тысяч.

Но всю эту роскошь надо было на что-то содержать, и рыскавшие по окрестностям фуражные экспедиции весьма озлобляли москвитов. Города начали понемногу откладываться от Дмитрия и снова давать присягу Шуйскому. Необходимо было взять Москву, в которой Шуйского терпеть не могли так же, как и во всей остальной России, но она была слишком хорошо укреплена. Между тем с севера к Тушину шел, громя отряды самозванца, Скопин, с Волги – ополчение Шереметева, а с запада – польский король Сигизмунд, которому, чтобы завоевать Московию, самозванец был не нужен.

В ноябре 1609 года Сигизмунд послал в Тушино депутатов, которые, минуя самозванца, обратились напрямую к полякам, призывая их идти в королевское войско. Те начали торговаться, говоря, что Дмитрий им обещал за взятие власти двадцать миллионов злотых, а сколько даст король? Когда же Дмитрий поинтересовался у Рожинского, зачем приехали королевские комиссары, тот ответил: «А тебе, б... сын, что за дело? Они ко мне приехали, а не к тебе. Черт тебя знает, кто ты таков! Довольно мы уже тебе служили».

Дмитрия все начали шпынять, и он понял, что дело уже совсем плохо. Переодевшись в крестьянское платье, он бежал в Калугу, откуда начал рассылать грамоты с призывом поляков бить, а все их имущество свозить к нему в Калугу. Неизвестно, был ли этот побег совершен по договору с Мариной или втайне от нее. Но Марина, лишившаяся любимого мужа,

царства, преданная отцом, а церковью рассматриваемая не как человек, а как орудие борьбы с православной схизмой, была уже другая. От ее былой московской наивности не осталось и следа.

Бегство самозванца подорвало торг поляков, и пришлось им стать сговорчивее. На стороне Сигизмунда выступили и русские бояре, говоря, что не хотят иметь царем Шуйского, а желают на царство Сигизмундова сына Владислава.

Один из польских воевод из тушинского табора, Стадницкий, написал Марине письмо, в котором уже не называл ее царицей, а лишь сандомирской воеводянкой, и уговаривал оставить честолюбивые замыслы и возвратиться в Польшу. Марина же отвечала: «Ваша милость должны помнить, что, кого Бог раз осиял блеском царского величия, тот не потеряет этого блеска никогда, так как солнце не потеряет блеска от того, что его закрывает скоропреходящее облако».

Написала Марина и королю: «Если кем на свете играла судьба, то, конечно, мною; из шляхетского звания она возвела меня на высоту московского престола только для того, чтобы бросить в ужасное заключение; только лишь проглянула обманчивая свобода, как судьба ввергнула меня в неволю, на самом деле еще злополучнейшую, и теперь привела меня в такое положение, в котором я не могу жить спокойно, сообразно своему сану. Все отняла у меня судьба: остались только справедливость и право на московский престол, обеспеченное коронацией, утвержденное признанием за мною титула московской царицы, укрепленное двойною присягою всех сословий Московского государства. Я уверена, что ваше величество, по мудрости своей, щедро вознаградите и меня, и мое семейство, которое достигало этой цели с потерей прав и большими издержками, а это неминуемо будет важною причиною к возвращению мне моего государства в союзе с вашим королевским величеством».

Сигизмунд пообещал Марине удел в Московском государстве. Между тем в Тушине происходил уже полный разброд. С одной стороны давил Сигизмунд, с другой – смущал своими грамотами из Калуги Лжедмитрий, и Марина металась между двух лагерей, как меж двух огней, пытаясь отыскать союзников и там и там. Как-то Марина явилась перед войском с распущенными волосами, плачущая, и это довело до междоусобия. Донские казаки и часть польских удалцов вышли из табора, намереваясь идти в Калугу, но атаман Заруцкий сначала пытался казаков остановить, затем донес об их уходе Рожинскому, тот приказал стрелять, и в стычке полегло две тысячи человек. Казаки все-таки ушли к Дмитрию, а вместе с ними князя Трубецкой и Засекин.

Марина оставила в своем шатре письмо, в котором говорилось, что «Без родителей, без кровных, без друзей и покровителей мне остается спасать себя от последней беды, что готовят мне те, которые должны были бы оказывать защиту и попечение. Меня держат как пленницу. Негодяи ругаются над моею честью: в своих пьяных беседах приравнивают меня к распутным женщинам, за меня торгуются, замышляют отдать в руки того, кто не имеет ни малейшего права ни на меня, ни на мое государство. Гонимая отовсюду, свидетельствуюсь Богом, что буду вечно стоять за мою честь и достоинство. Бывши раз московскою царицею, повелительницею многих народов, не могу возвратиться в звание польской шляхтянки, никогда не захочу этого. Поручаю честь свою и охранение храброму рыцарству польскому. Надеюсь, оно будет помнить свою присягу и те дары, которых от меня ожидают», – и отправилась, переодевшись в гусарское платье, вместе со служанкой и под охраной трехсот пятидесяти казаков в Калугу. Но заблудилась и оказалась в Дмитрове у Сапеги. Дмитров же как раз осаждали войска Скопина под руководством князя Куракина, и продолжить свой путь Марина не смогла. Когда город уже был готов сдаться, она поднялась на стену и сказала: «Смотрите и стыдитесь, я женщина, а не теряю мужество!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.